

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2023), 9–36
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 9–36
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-2-80-9–36

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА КАТАСТРОФЫ 480–475 гг. до н.э. В ПАНТИКАПЕЕ. ПРОЩАНИЕ С ОДНОЙ КОНЦЕПЦИЕЙ?

В.П. Толстиков

Государственный музей изобразительных искусств им А.С. Пушкина, Москва, Россия

E-mail: vltolstikov@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-0915-8100

В статье публикуются результаты анализа новых материалов и сопоставление их с полученными ранее в процессе многолетних раскопок Боспорской (Пантикапейской) экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина на раскопах Новый Верхний Митридатский (НВМ), то есть на акрополе Пантикапея, и на Центральном (Ц.), и Центральном Северном (Ц.С.) –территории Западного плато. Анализ состояния строительных объектов на северо-западном крае НВМ, специфика их перестроек указывает на то, что главной целью их было возрождение линии укреплений над значительным отрезком трассы ранней оборонительной стены, разрушенной около середины VI в. до н.э. и не восстановленной. Выявленное обрушение его внешней стены, признаки локального пожара в помещении, многочисленные наконечники стрел скифских типов в развале сырцовый кладки стены свидетельствуют, что между 480 и 475 гг. до н.э. наспех укрепленный акрополь Пантикапея, ранее не имевший стен (!), подвергся нападениям скифов царских. Сегодня есть основания полагать, что присутствие в слоях, датируемых первой половиной V в. до н.э. на территории акрополя Пантикапея предметов, декорированных скифским звериным стилем, может служить еще одним аргументом в пользу того, что скифы получили доступ на территорию акрополя и теменоса Пантикапея. Гипотеза о симмахии во главе с Пантикапеем вряд ли актуальна.

Ключевые слова: Пантикапей, акрополь, Верхнее плато, Западное плато, многокамерный комплекс, укрепления, теменос, боспорская симмахия, скифы царские, предметы в скифском зверином стиле, сфагион

Данные об авторе. Владимир Петрович Толстиков – кандидат исторических наук, заведующий Отделом искусства и археологии Античного мира ГМИИ им А.С. Пушкина, начальник Боспорской (Пантикапейской) экспедиции ГМИИ.

В 1980 г. увидела свет фундаментальная работа Юрия Германовича Виноградова¹, в которой, на основе обобщения идей предшествующих исследователей, а также анализе археологических и эпиграфических материалов, автором были предложены две модели формирования полиса в Северном Причерноморье: Ольвия Понтийская и Боспор Киммерийский. Позднее основные положения этого исследования были изложены Ю.Г. Виноградовым в Главе 8 коллективного труда «Античная Греция»².

Вопрос относительно роли варварского окружения и, прежде всего, значения Скифского царства в сложном процессе формирования специфической надполисной государственной структуры Боспора по-прежнему представляет особый интерес. Излагая последовательность военно-политических акций царских скифов после победы над войском Дария I (519 г. до н.э.), Ю.Г. Виноградов выстраивает следующую последовательность скифской экспансии: сначала следует завоевание Лесостепи, затем – установление протектората над Ольвийским полисом (начало V в. до н.э.), подчинение полисов Поднестровья и Истрии, после чего – вторжение на Херсонес Фракийский и серия военных столкновений с Одрисским царством: «... в 80-х годах V в., после того как первый натиск скифов на фракийцев разрешился мирным договором <...>, скифские властители поворачивают вектор экспансии на юго-восток и нацеливают его острие против полисов Боспора и земледельческих племен Таманского полуострова»³.

В 1984 г. автор этих строк попытался обобщить и проанализировать имевшийся на тот период археологический материал, содержащий данные об изменении военно-политической ситуации на Боспоре в результате предполагаемой скифской экспансии⁴.

За прошедшие 39 лет со дня выхода в свет моей работы объем археологических данных относительно рассматриваемого периода истории Боспора не просто существенно увеличился, но и пополнился фактами, заставляющими кардинально пересмотреть некоторые важнейшие положения (или предположения), казавшиеся на тот момент очевидными или весьма вероятными. Позволю себе подкрепить фактами это утверждение:

по поводу тезиса о том, что *во всех исследованных археологически населенных пунктах Боспора в слоях VI в. до н.э. отсутствуют признаки пожаров и разрушений, которые можно было бы связать с военными действиями.*

Сегодня можно считать твердо установленными факты наличия пожаров и разрушений, датируемых серединой VI в. до н.э. на Верхнем плато Первого кресла Митридата, то есть на территории первоначального ядра Пантикапея⁵, а также на акрополе Мирмекия⁶;

относительно утверждения, что *в боспорских центрах, даже наиболее крупных, отсутствуют оборонительные сооружения раннего периода.*

¹ Vinogradov 1980.

² Виноградов 1983, 394–420.

³ Виноградов 1983, 394–420.

⁴ Виноградов 1983, 400.

⁵ Толстикова 1984, 24–48.

⁶ Вахтина, Виноградов 2001, 41–43.

К настоящему времени достаточно серьезные элементы фортификации обнаружены на северном крае Верхнем плато Первого кресла Митридата⁷; на участке западного фаса скального массива акрополя Мирмекия⁸; отрезки цокольных кладок ранней оборонительной стены открыты в Порфмии⁹; весьма оригинальные в планировочном отношении сырцово-кирпичные оборонительные сооружения, датируемые третьей четвертью VI в. до н.э. открыты на северо-восточном крае Верхнего города в Фанагории¹⁰; применение в ранний период укреплений в виде валов и рвов новейшие раскопки фиксируют в ряде пунктов Таманского полуострова. Одним из наиболее ранних примеров такого рода может служить оборонительная система поселения Голубицкая 2. Ров шириной от 9,5 до 11 м был сооружен вскоре после основания поселения, т.е. в начале второй четверти VI в. до н.э., глубина его достигала 2,3–2,8 м; эскарп имел угол около 40°, контрэскарп – около 30°¹¹.

Приведенные археологические свидетельства определенно указывают на то, что ионийские первопоселенцы были осведомлены о существовании военной угрозы по обе стороны пролива, прежде всего со стороны номадов-скифов и меотов, и уже при основании апоекий стремились защитить их фортификационными сооружениями. Более того, несмотря на наличие укреплений нападения варваров бывали достаточно эффективны, что подтверждается наличием слоёв пожарищ и разрушений в перечисленных выше населенных центрах. Насколько можно судить, несмотря на спорадические конфликты с варварским окружением, боспорские апоекии, в большинстве случаев, продолжали существовать и развиваться, постепенно расширяя свои границы.

Этот процесс надежно фиксируется на примере Пантикапея. После катастрофы, имевшей место около середины VI в. до н.э., которая завершила *Первый строительный период*, на с nivelированном слое пожарища, перекрывшем остатки цокольной кладки оборонительной стены и связанного с ней здания Д-3¹², во *Второй строительный период*, возводятся новые постройки. Северный угол одной из них – Д-2 был открыт на кв. 13, 20 и 20а НВМ. Наличие этого строительного объекта служит свидетельством возрождения и продолжения жизни на Верхнем плато Первого кресла. По-видимому, в это же время здесь осуществляется и архитектурное оформление раннего теменоса¹³. Можно предполагать, что к одной из построек, возведенных близ северо-западной границы священного участка, могут относиться остатки плитовой конструкции (алтаря?) на кв. 34 и 101 НВМ¹⁴, о которой речь пойдет ниже.

⁷ Толстиков 2017, 13–15.

⁸ Вахтина, Виноградов 2001, 44–45.

⁹ Вахтина, Виноградов 2001, 41–43.

¹⁰ Кузнецов 2018, 122, 123, рис. 4.

¹¹ Журавлев и др. 2019, 183–192.

¹² Этот факт, не имеющий пока объяснения, заслуживает пристального внимания. Почему не была восстановлена ранняя оборонительная стена? Может быть, существовал запрет на её восстановление со стороны вождей номадов?

¹³ Толстиков 2017, 15–20.

¹⁴ Не исключено, впрочем, что это сооружение было возведено позднее – в Третий строительный период.

На *Второй строительный период* приходится и первые, засвидетельствованные археологически, попытки освоения территории, примыкающей с запада к скальной вершине Первого кресла Митридата – на Западном плато (раскопы Центральный, Центральный Северный). Здесь появляются первые котлованы временных, заглубленных в материковый грунт построек круглой в плане формы, а также хозяйственные ямы, фиксируются признаки выплавки металлов¹⁵.

В течение *Третьего строительного периода*, скорее всего в последнем десятилетии VI в. до н.э., на Верхнем плато сооружаются наземные, прямоугольные в плане однокамерные здания, сырцово-кирпичные стены которых покоились на цоколях из каменной кладки. Значительная часть одного из них – Д-1, ориентированного углами по сторонам света и площадью не менее 20 м², имевшего тщательно сложенные каменные цоколи, сырцово-кирпичные стены, покрытые белой обмазкой и глинобитный пол, была исследована на кв. 20 и 20а НВМ¹⁶. На этот же период приходится, по-видимому, существование здания Д-7 с подвальным помещением, облицованным каменной кладкой, южная часть которого была открыта на квадрате 100¹⁷.

Насколько можно судить, молодой полис развивается прогрессивно и, примерно, между 510–500 гг. до н.э., то есть на рубеже *Третьего строительного периода* и *Фазы I Четвертого строительного периода*, Западное плато включается в городскую территорию, а на ней сооружается архитектурный ансамбль общественного характера, образованный монументальными многокамерными зданиями МК I, II, III, IV. Функциональным и композиционным центром этого ансамбля служит толос¹⁸. Несколько ниже – на невысоких террасах северного склона (раскоп Новый Эспланадный), формируется участок жилой городской застройки, образованный иррегулярно расположенными, преимущественно однокамерными, небольшими домами, соединенными системой улиц и переулков¹⁹. (рис. 1).

Есть основания полагать, что на Верхнем плато, в пределах теменоса, в *Фазе I Четвертого строительного периода*, а именно, между 510 и 490 гг. до н.э. производится закладка монументального храма в самосском варианте ионического ордера, посвященного верховному покровителю Пантикапея Аполлону²⁰.

Этот этап знаменуется и еще одним весьма важным, можно сказать знаковым событием – началом монетной чеканки Пантикапея²¹. Свидетельством достаточно развитых финансовых отношений и институтов, а также присутствия в общине Пантикапея весьма состоятельных граждан может служить, например, находка на Центральном Северном раскопе в цистерне № 315, существовавшей до рубежа VI и V вв. до н.э., остракона-«векселя» с граффито, в котором обозначена значительная сумма в 50 статов (видимо кизикинов), полученных неким Ипикратом²².

¹⁵ Толстиков 2017, 17–20.

¹⁶ Толстиков 2017, 20.

¹⁷ Толстиков 2017, 20–21.

¹⁸ Толстиков 2017, 29–33.

¹⁹ Марченко 1984, 3–27.

²⁰ Толстиков 2010, 175. Taf. 27, 6.

²¹ Коваленко, Толстиков 2010, 23–50.

²² Толстиков и др. 2004, 348–349.

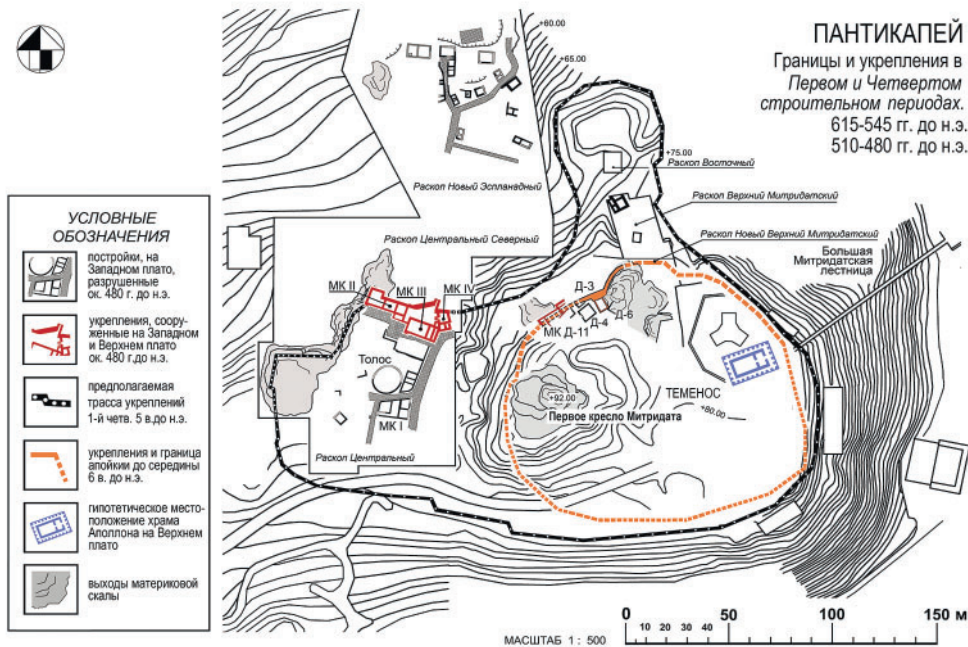

Рис. 1. Пантикапей. Границы и укрепления в *Первом* (615–545 гг. до н.э.) и *Четвертом* строительных периодах (510–480 гг. до н.э.)

Fig. 1. Panticapaeum. Borders and fortifications in the *First* (615–545 BC) and *Fourth* building periods (510–480 BC)

Материалы археологических раскопок на территории большинства эллинских центров по обоим берегам пролива свидетельствуют, что на 515–485 гг. до н.э. приходится период их интенсивной урбанизации. По-видимому, не случайно, для Пантикапея, в частности, эти годы характеризуются широкими контактами с Афинами. Захват Афинами на рубеже VI–V вв. до н.э. островов Лемноса и Имброса существенно усиливал их позиции у причерноморских проливов. (Herod. VI. 136–140). Это, в свою очередь, способствовало и упрочению экономических и культурных связей между Афинами и Пантикапеем. Для этого процесса показателен, в частности, рост импорта аттической керамики, в котором представлены все основные мастерские этого времени: вазописцы круга мастера Антимена, группы Леагра. Важным индикатором этого процесса может служить появление фрагментов панафинейских амфор мастеров Ахелоя и Евфилета. Эти призовые амфоры свидетельствуют о том, что граждане Пантикапея имели право принимать участие в Панафинейских играх в Афинах. Среди чаш хорошо представлены Кассельская группа, Безлиственная группа, класс Сегментов, скифосы группы СНС. В первой четверти V в. до н.э. широкое распространение получают произведения мастера Хаймона и его круга, а также различные вариации киликов с фризом пальметт.

В конце VI в. до н.э. в Пантикапее появляются ранние краснофигурные вазы Евфрония, мастера Пифоса, Ольтоса, Эвергида, Эпиктета, Брига²³.

Важным и, по-видимому, в данном случае позитивным демографическим фактором рассматриваемого периода, стал предполагаемый приток новых групп переселенцев-эпийков из Ионии, обусловленный, прежде всего, как напряженной обстановкой, сложившейся в Малой Азии и на островах Эгейского бассейна непосредственно перед Ионийским восстанием²⁴, так и трагическими событиями, связанными с подавлением персами этого восстания и разгромом в 494 г. до н.э. Милета – метрополии большинства боспорских полисов и основного центра сопротивления.

Охватывающий около 30 лет период подъема и относительного экономического благополучия, прерывается в результате дестабилизации военно-политической ситуации, повлекшей за собой серьезные испытания для Пантикапея и других молодых полисов Боспора Киммерийского²⁵.

Источником военной угрозы для боспорского эллинизма теперь становятся не спорадические набеги групп кочевников, но, как отмечено в цитированной в начале этой статьи работе Ю.Г. Виноградова, вторжение вооруженных формирований Скифского царства.

Появление в крымской степи к рубежу VI–V вв. до н.э. новых скифских контингентов маркируется значительным количеством погребений воинов-кочевников с оружием. Обращает на себя внимание характерный факт, фиксируемый специалистами-скифологами: «изменяется качественный и количественный состав инвентаря – обычными становятся кинжалы и мечи, появляются копья, нередко полными колчанскими наборами представлены наконечники стрел. Рассеянность одиночных могил, в которых погребены почти исключительно представители воинского сословия, позволяет соотносить эти памятники с кочевыми скифами, не имевшими родовых могильников, или, если таковые были, с их значительной удаленностью от места кочевий»²⁶.

В этой связи показательны выводы, которые позволил сделать типологический анализ предметов, выполненных в скифском зверином стиле, обнаруженных, впервые в истории археологических исследований Пантикапея, на Верхнем плато²⁷. К рассмотрению этих находок в контексте данной работы я еще вернусь. Отсылая читателя к выводам, содержащимся в цитированной статье, отмечу, что для темы нашего исследования важно то, что подавляющее большинство образцов изображений в скифском зверином стиле, происходящих с акрополя Пантикапея,

²³ Самар 2017, 173–175.

²⁴ В этой связи весьма показателен пример такого рода эмиграции, приводимый Геродотом, который сообщает, что зять милетского тирана Гистизя Аристагор, будучи также тираном Милета, в 496 г. до н.э., то есть перед спровоцированным им Ионийским восстанием, покинул Милет в качестве беженца и, вместе с другими колонистами, обосновался в Миркине – области, в которой позднее возник город Амфиполь (Herod. V. 124, 126). Этот эпизод показывает, что в числе вынужденных эмигрантов были как представители богатых аристократических фамилий, так граждане других категорий. Не исключено, что среди них – и некоторое число искусных ремесленников, архитекторов и каменотесов. О возможности переселения части самосских и милетских беглецов из Занклы в Пантикапей см. также: Коваленко, Толстиков 10, 32.

²⁵ Виноградов 2002, 183–196; 2006, 36–43.

²⁶ Колотухин 2000, 68–69.

²⁷ Канторович и др. 2019, 7–31.

Рис. 2. Боспорские центры, в которых выявлены слои пожарищ и разрушения первой половины V в. до н.э.

Fig. 2. Bosporan centers, in which layers of fires and destruction of the first half of the 5th century BC were revealed

находят аналогии или близкие параллели в комплексах погребений за пределами Крыма и, прежде всего, в областях Нижнего и Среднего Поднепровья, то есть на исходной территории кочевий царских скифов, откуда некая их группировка вторглась в пределы Центрального Крыма, а затем, к 490–480-м гг. до н.э., продвинулась к территории Восточного Крыма, к границам Боспора Киммерийского.

Результаты этого вторжения и последовавших за ним военных действий фиксируются археологически слоями пожарищ и разрушений в Пантикапее, Порфмее, Мирмекии, Тиритаке, Нимфее²⁸, поселениях Зенонов Херсонес, Андреевка Южная, Южно-Чурубашское, а также на другой стороне пролива – в Фанагории, Кепях, Патрее, Гермонассе, поселениях Голубицкая 2, Стрелка (рис. 2). Еще одним показателем ухудшения военно-политической обстановки в этот период служит фиксируемое археологически увеличение числа греческих погребений с оружием²⁹.

На исследованной археологически территории центрального района Пантикапея этот период условно именуется как *Фаза 3 Четвертого строительного периода*. Эта фаза выделена мной специально, поскольку обнаруживает явные признаки разрушения и стагнации архитектурно-планировочной среды города и, что

²⁸ Согласно устному сообщению Нонны Леонидовны Грач в ходе раскопок некрополя Нимфея было обнаружено мужское захоронение А-44, датируемое последней четвертью-концом VI в. до н.э., в котором, в левой лопатке костяка погребенного, застрял наконечник стрелы скифского типа.

²⁹ Завойкин, Сударев 2006а; 2006б.

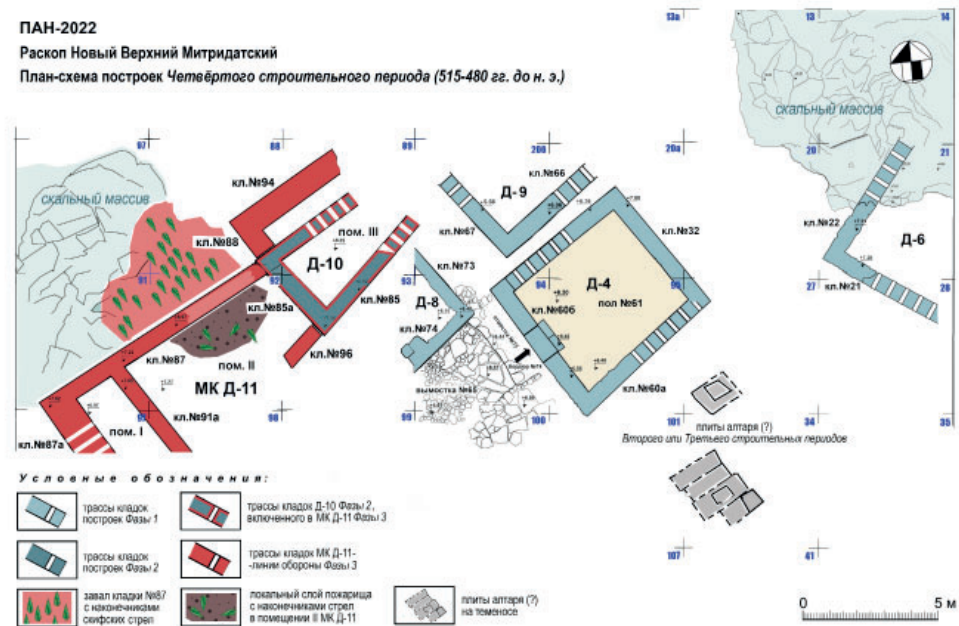

Рис. 3. Пантикапей-2022. Раскоп Новый Верхний Митридатский. План-схема построек Четвёртого строительного периода (510–480 гг. до н.э.)

Fig. 3. Panticapaeum-2022. Excavation site “New Upper Mithridates” (NUM). Plan-scheme of buildings of the Fourth building period (510–480 BC)

самое важное, также и в пределах территории первоначального ядра апойкии, на Верхнем плато – акрополе Пантикапея.

Новейшие данные, полученные в процессе исследований Боспорской экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина 2021–2022 годов на раскопе Новый Верхний Митридатский (НВМ) существенно дополняют и детализируют эту драматическую картину. На кв. 20; 21, 20а, 20б, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 97(сев. часть), 98(сев. часть) раскопа НВМ в конце VI в. до н.э., в Фазе 1 Четвёртого строительного периода, на достаточно протяженном участке северного края Верхнего плато Первого кресла Митридата в едином строительном горизонте возводится группа прямоугольных в плане однокамерных зданий, ориентированных углами по сторонам света – Д-4, Д-6, Д-8, Д-9, Д-12. Площадь каждого из них, предположительно, не превышала 35 м². В Фазе 2 этого периода, на рубеже VI и V вв. до н.э., происходит локальная перестройка: на месте разрушенной постройки Д-12, непосредственно на фундаментах её западного угла, сооружается новое здание Д-10 трапециевидной в плане формы. (рис. 3).

В начале V в. до н.э., между 490 и 480 гг. до н.э., в Фазе 3 Четвёртого строительного периода, над северо-западным краем крутого скального склона Первого кресла Митридатова холма возводится новое строение, значительно превосходящее по площади все перечисленные предыдущие – комплекс МК Д-11. Это капитальное сооружение, основания цокольных каменных кладок стен которого покоятся либо на поверхности скального массива, либо на огромных скальных

глыбах, включает в свою планировочную структуру более раннее здание Д-10, будучи пристроено встык к его юго-западному фасу. Таким образом Д-10 превращается в третье помещение многокамерного комплекса Д-11. Кроме того, к внешней – северо-западной стене бывшего здания Д-10, а ныне – помещения III комплекса МК Д-11, пристраивается встык внушительная, прямоугольная в плане конструкция, имеющая вид бастиона. Наличие этой фланкирующей конструкции, а также местоположение комплекса МК Д-11 на гребне, над крутым скальным склоном Верхнего плато холма, дают основания предполагать, что эта перестройка носила, прежде всего, фортификационный характер.

Данное предположение подкрепляется и тем обстоятельством, что именно по участку, на котором сооружается здание МК Д-11, ранее, до середины VI в. до н.э., пролегал отрезок трассы древнейшей оборонительной стены *Первого строительного периода*. После пожара и разрушения, имевших место, как показано выше, около середины этого столетия, цокольная кладка этой стены была на значительных отрезках почти полностью выбрана на камень и, что показательно, оборонительная стена более не восстанавливалась.

Создаётся впечатление, что возведение здания МК Д-11, включение в его конструкцию постройки Д-10, а также фланкирование этого комплекса бастионообразной пристройкой, свидетельствуют о попытке возродить на данном участке в видоизмененной форме прежнюю линию фортификации перед лицом новой военной угрозы. Показательно, что эта строительная акция совпадает с *Фазой 3 Четвертого строительного периода*, то есть близка по времени к моменту разрушения общественного центра с толосом на Западном плато и возведением там линии укреплений, включавших восстановленные и приспособленные для целей обороны МК II, III, IV.

В ходе раскопок в помещении II МК Д-11 было сделано важное наблюдение: в нём не было обнаружено никаких признаков покрытия пола. Отмечу, что в помещении I и во включенном в структуру МК Д-11 здании Д-10 (помещение III) остатки глинобитных полов были выявлены. Этот факт позволяет, в качестве рабочей гипотезы, предположить, что работы по возведению МК Д-11 не были завершены, поскольку, по-видимому, на завершающей стадии были прерваны военным нападением. В результате этого значительная часть внешней северо-западной стены МК Д-11 оказалась обрушена наружу, на скальный склон. Из-за обрушения образовался мощный завал камня и сырца. В этом завале, при его расчистке и разборке, наряду с датирующими фрагментами керамики, было обнаружено более 30 наконечников стрел скифских типов. Еще несколько наконечников найдены в помещении II³⁰. (рис. 4, 1). В этом же помещении выявлен слой локального пожара (рис. 5). Показательно, что в слое, заполнявшем помещение были обнаружены и человеческие костные останки – поясничные позвонки и их обломки³¹. Всё указывает на то, что нападение было, по-видимому, внезапным и сопровождалось обстрелом из луков с применением зажигательных стрел.

³⁰ В соответствии с классификацией А.И. Мелюковой, наконечники этих типов принадлежат ко II хронологической группе (VI–V вв. до н. э.). Мелюкова 1964, 13–32. Табл. 7.

³¹ Комплекс/пакет 16. Помещение II МК Д-11. Шт. 13. Определение выполнено кандидатом биологических наук А.К. Каспаровым (ИИМК), которому я, пользуясь случаем, выражаю свою глубокую благодарность.

ПАНТИКАПЕЙ. Образцы наконечники стрел скифских типов из слоев разрушений 480 г. до н. э.

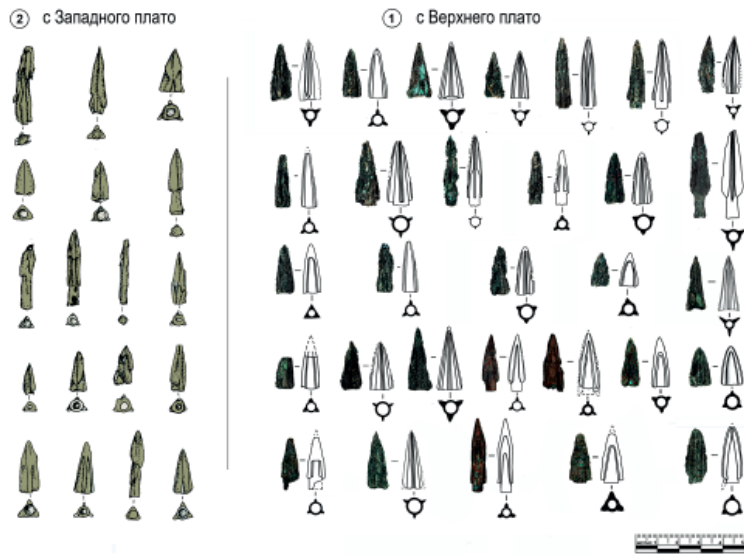
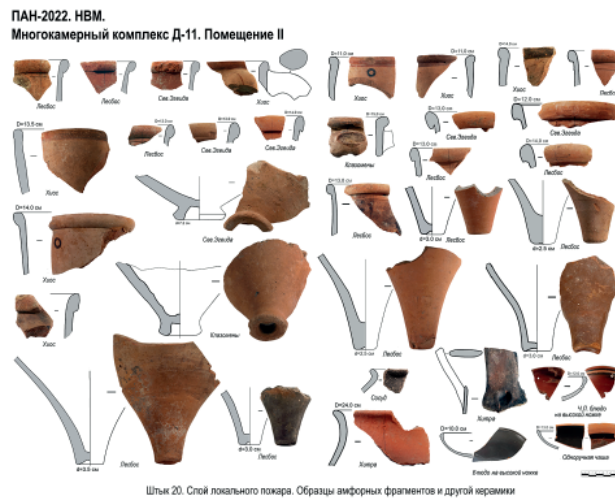

Рис. 4. Пантикапей. Наконечники стрел скифских типов из слоев разрушений около 480 г. до н.э.: 1 – Верхнее плато; 2 – Западное плато

Fig. 4. Panticapaeum. Scythian type arrowheads from layers of disaster ca. 480 BC: 1 – Upper plateau; 2 - Western plateau

Штк. 20. Слой локального пожара. Образцы амфорных фрагментов и другой керамики

Рис. 5. Пантикапей-2022. Раскоп НВМ. Многокамерный комплекс Д-11. Помещение II. Шт. 20. Фрагменты амфор и другой керамики из слоя локального пожара. Рис. В.П. Толстикова

Fig. 5. Panticapaeum-2022. Excavation site NUM. Multi-chamber building D-11. Room II. Basket 20. Fragments of amphorae and other ceramics from a local fire layer. Drawing by V.P. Tolstikov

Здесь я подхожу к весьма важному моменту исследования. Прежде всего следует отметить, что монументальное сооружение, именуемое МК Д-11 после разрушения восстановлено не было. Его руины оказались перекрыты сбросами бытовых отходов и мусора. Исследование этих культурных напластований, проведенное по штыкам с инструментальной нивелировкой каждого, показало, что эти наслоения содержат раковины мидий, кости животных, а также обломки тарных амфор и другой керамический материал, датируемый от первой четверти до середины V в. до н.э., наряду с фрагментами более раннего времени (рис. 6). Эти же слои сбросов перекрывали обширный северо-западный участок скального склона Верхнего плато на всем протяжении перед внешним фасом кладки № 87 – стены разрушенного МК Д-11 (рис. 3).

Обращает на себя внимание и тот факт, что сбросы слоя, общая толщина которых местами превышала 3 м, содержали также весьма значительное количество обломков терракот, votивных плакеток-пинак с рельефными изображениями (рис. 7). Из этого слоя происходят и посвященные граффити на фрагментах чернофигурных, краснофигурных и чернолаковых сосудов. Эти надписи образуют богатый эпиграфический и изобразительный фонд новых данных относительно божеств, почитавшихся гражданами Пантикапея во второй половине VI – первой четверти V вв. до н.э. (рис. 8).

Но эти же находки ставят и весьма важный вопрос: откуда и при каких обстоятельствах весь этот материал, попал в мощные слои сброса?

Как было отмечено, предполагается, что во *Второй строительный период* в центральной части территории Верхнего плато вершины Первого кресла Митридатова холма формируется и получает архитектурное оформление ранний теменос Пантикапея³². К сожалению, на данный момент точная локализация границ этого священного участка затруднена, прежде всего из-за невозможности вести раскопки на основной территории плато, на которой расположены Обелиск Славы³³ и Мемориальный комплекс.

В качестве гипотезы могу высказать предположение, что с одной из культовых построек, располагавшейся близ северо-западной границы теменоса, связаны остатки конструкции из плит, обнаруженные на квадрата 34 НВМ. Определить назначение и план этого объекта не представляется возможным, поскольку весь участок в пределах кв. 27, 28, 34, 35, 100, 101 прорезан и перекрыт мощными глыбами фундамента северо-восточной части храма, сооруженного в первые века н.э. Храм был ориентирован по оси северо-восток – юго-запад и лишь прямоугольный в плане участок под пронаосом, где отсутствовал фундамент, остался доступен для раскопок (рис. 9, разрез С–В – Ю–З).

В этом шурфе (4,6 x 2,3 м), в пределах кв. 37 и 101, в культурном слое первой четверти V в. до н.э.³⁴ залегали хорошо отесанные прямоугольные известняковые плиты, часть из которых оказалась перекрыта глыбами фундамента храма, а неко

³² Толстиков 2015, 261–281.

³³ Обелиск сооружен в 1944 г. по проекту архитекторов А.Д. Киселева и М.Я. Гинзбурга солдатами 9-го мотоинженерного батальона под командованием подполковника Ф.И. Киневского в память павших воинов Отдельной Приморской Армии и в честь освобождения Крыма от фашистских захватчиков.

³⁴ В слое присутствовали и фрагменты керамики более раннего времени.

Рис. 6. Пантикапей-2022. Раскоп НВМ. Многокамерный комплекс Д-11. Амфорные фрагменты из слоев заполнения разрушенного помещения II: 1 – шт. 18; 2 – шт. 11
 Fig. 6. Panticapaeum-2022. Excavation site NUM. Multi-chamber building D-11. Fragments of amphorae from the filling layers of the destroyed Room II: 1 – basket 18; 2 – basket 11

торы, вторично использованные при закладке фундамента, как бы обрамляли это пространство. Показательно, что нижние плиты лежали горизонтально на поверхности слоя, залегавшего над слоем пожара середины VI в. до н.э. (на отметках +5.54 м – +5.50 м). Это определенно свидетельствует о том, что они принадлежат постройке, возведенной после катастрофы середины VI в. до н.э., то есть во *Второй или Третий строительные периоды* (рис. 9, фото).

Нельзя исключить, что на рассматриваемом участке раскопа НВМ мы подошли к северо-западной границе теменоса и что именно с его территории происходят обломки votивных предметов, попавшие в слои сбросов, перекрывавшие остатки комплекса МК Д-11 и скальный склон холма к северо-западу от него. Перечислю наиболее показательные находки, полученные из этих напластований:

1. фрагмент донца чернофигурного мелкофигурного килика с посвящением Аполлону Врачу Владыке Пантикапея³⁵ (рис. 8, 8);
2. посвящения Аполлону Врачу (рис. 8, 5, 6);
3. посвящения Артемиде Пифийской³⁶ (рис. 8, 1, 2);
4. посвящения Артемиде (рис. 8, 3, 4);

³⁵ Шелов-Коведяев 2019а, 613–617.

³⁶ Шелов-Коведяев 2019b, 216–225. Agafonov, Samar 2021, 520–522, Fig. 37.

Рис. 7. Пантикапей. Раскоп НВМ. Фрагменты терракотовых статуэток и рельефных полихромных вотивных табличек-пинак из предполагаемого слоя разрушения теменоса на Верхнем плато. Фото В.П. Толстикова

Fig. 7. Panticapaeum. Excavation site NUM. Fragments of terracotta figurines and relief polychrome votive tablets-*pinakes* from the alleged destruction layer of the *temenos* on the Upper Plateau. Photo by V.P. Tolstikov

Рис. 8. Пантикапей. Раскоп НВМ. Посвятельные граффити из предполагаемого слоя разрушения теменоса: 1, 2 – Артемиде Пифийской; 3, 4 – Артемиде; 5, 6 – Аполлону Врачу; 7 – Аполлону Владыке Пантикапея; 8 – Афродите; 9 – Зевсу Отеческому; 10 – Афине Эргане. Фото и прорисовка В.П. Толстикова

Fig. 8. Panticapaeum. Excavation site NUM. Dedicatory graffiti from the supposed destruction layer of the *temenos*: 1, 2 – to Artemis Pythian; 3, 4 – Artemis; 5, 6 – Apollo Ietros; 7 – Apollo the Lord of Panticapaeum; 8 – Aphrodite; 9 – Zeus the Father; 10 – Athena Ergana. Photo and drawings by V.P. Tolstikov

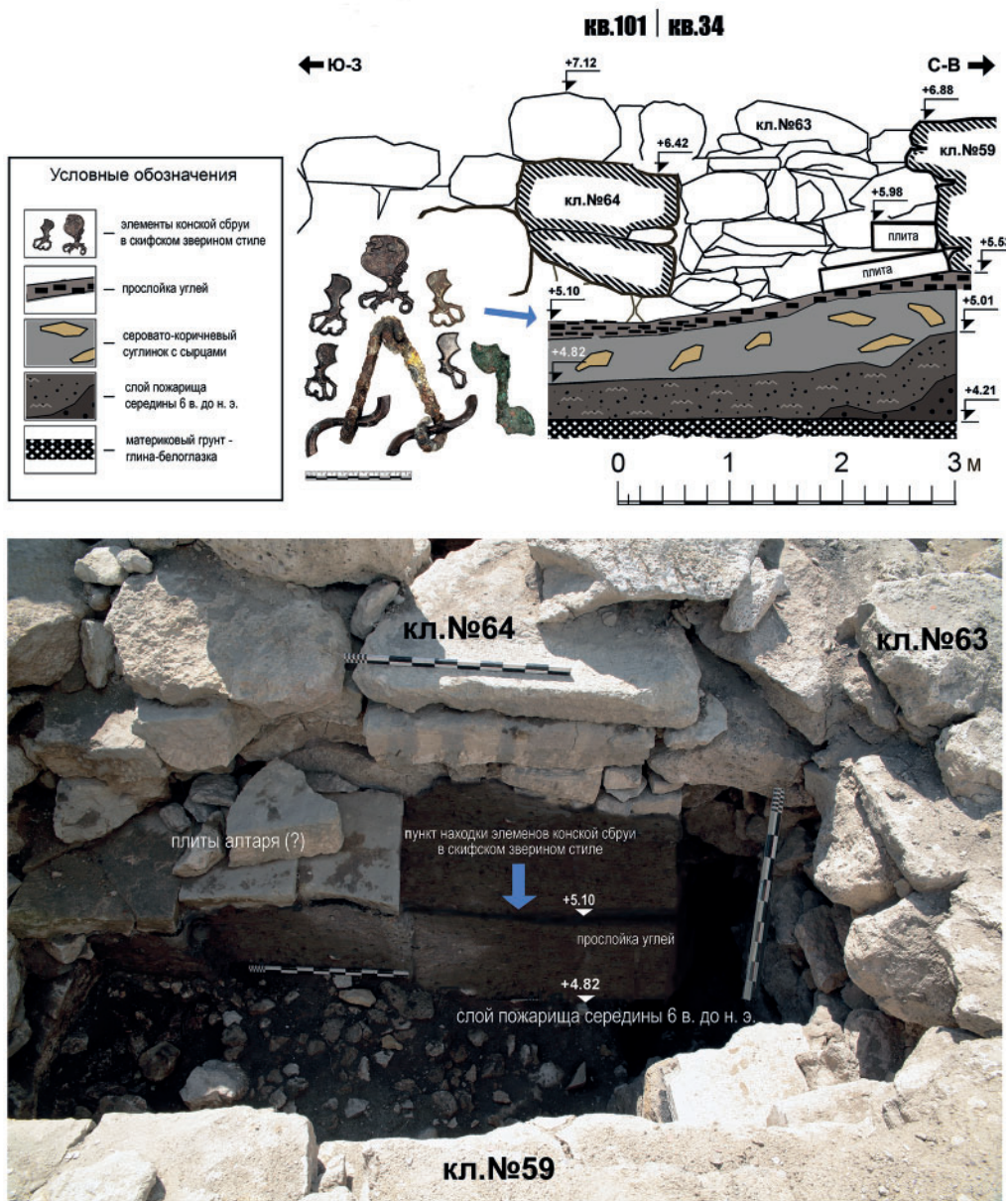

Рис. 9. Пантикапей-2017. Раскоп НВМ. Кв. 34 и 101. Разрез по оси Ю-3 – С-В и вид с С-В на пункт находки группы изделий в скифском зверином стиле. Чертеж и фото В.П. Толстикова

Fig. 9. Panticapaeum-2017. Excavation site NUM. Trenches 34 and 101. Section along SW-NE axis and view from NE of the site where a group of items of the Scythian animal style was found. Drawing and photo by V.P. Tolstikov

5. посвящение Афродите (рис. 8, 7);

6. посвящение Зевсу Отеческому (рис. 8, 9);
7. посвящение Афине Эргане (рис. 8, 10)³⁷.

Особо отмечу, что в шурфе в пределах кв. 37 и 101, о котором речь шла выше, в культурном слое с материалами, датирующими его первой четвертью V в. до н. э.³⁸ и залегавшими на нём хорошо отесанными прямоугольными плитами (алтарем?), из прослойки углей, происходит группа уникальных находок. Речь идет об элементах конской сбруи, выполненных в скифском зверином стиле:

1. железный мундштук (удила) с парой бронзовых S-образных псалиев и пять ажурных бронзовых блях в виде стилизованного бедра и когтистой лапы хищной птицы (рис. 10, 1), (рис. 11, 2);
2. железный мундштук с парой железных S-образных бронзовых псалиев;
3. бронзовый S-образный псалий с уплощенными концами, стилизованными в виде копыт лося (рис. 10, 2);

Еще несколько находок, выполненных в скифском зверином стиле, были обнаружены на других участках НВМ в напластованиях первой четверти V в. до н. э.:

1. бронзовая литая уздечная бляха в форме стилизованной головы лосихи/безрогого лося вправо. На тыльной стороне – горизонтальное ушко для крепления (рис. 10, б);
2. фрагмент скульптурного завершения костяного изделия (клыка-амулета, застежки или псалия) в виде рельефного изображения головы безрогого лося/лосихи влево (рис. 10, 5; 11, 1).
3. бронзовая поясная пряжка с оформлением противоположных сторон рамки в виде двух зеркальных голов безрогих лосей/лосих, которые можно рассматривать как одно оригинальное изображение³⁹ (рис. 10, 4).

К этому перечню добавлю налобное украшение конской сбруи в скифском зверином стиле, увенчанное миниатюрным скульптурным изображением головы оленёнка/оленихи с длинными поднятыми вверх ушами. Глаза выполнены в форме округлых углублений; рот приоткрыт. Под скульптурным изображением – большое сквозное эллиптическое отверстие для ремennого крепления⁴⁰ (рис. 10, 3).

Как было показано выше, образование слоя разрушения следует, по-видимому, связать с военными акциями царских скифов в период около 480 г. до н. э. Весьма яркие следы этих драматических событий были выявлены в ходе раскопок на Западном плато (раскопы Центральный и Центральный Северный). Все эти данные были детально проанализированы и опубликованы⁴¹. Поэтому охарактеризую ситуацию на этом участке территории города очень кратко.

Сооруженный в конце VI в. до н. э., то есть в *Фазе I Четвертого строительного периода*, общественный центр полиса, оформленный группой монументаль

³⁷ Специальному исследованию этого уникального граффито с эпиклезой Эргана, ранее не встречавшегося в Северо-Понтийском регионе, посвящена статья А.В. Агафонова и М.Б. Муратовой, публикуемая в данном номере.

³⁸ Слой содержал и керамику более раннего времени, в том числе и граффито с посвящением Аполлону Врачу Владыке Пантикаея.

³⁹ Как было сказано выше, все эти предметы были всесторонне проанализированы в специальной работе: Канторович и др. 2019, 7–31.

⁴⁰ Эта находка была сделана в 2021 г. в слое IV в. до н. э.

⁴¹ Толстиков и др. 2003, 307–350; Толстиков 2017, 30–40.

Рис. 10. Предметы в скифском зверином стиле, обнаруженные на Верхнем плато на раскопе НВМ: 1 – железный мундштук с бронзовыми S-образными псалиями и бронзовые бляшки в форме бедра с когтистой лапой хищной птицы; 2 – бронзовый псалий с завершениями в форме копыта лося; 3 – бронзовое налобное украшение конской сбруи в форме головки лосенка/олёнёнка; 4 – пряжка поясного ремня в форме стилизованных голов лося; 5 – обломок костяного амулета или застежки (?) в форме головы лося; 6 – бронзовая нашивная бляшка в форме головы лося

Fig. 10. “Scythian animal style” items found on the Upper Plateau at the NUM excavation site: 1 – iron mouthpiece with bronze S-shaped bit shanks and bronze hip-shaped plaques with the clawed paw of a bird of prey; 2 – bronze bit shank with elk hoof-shaped ends; 3 – bronze forehead decoration of a horse harness in the shape of an elk/deer head; 4 – waist belt buckle in the form of stylized elk heads; 5 – fragment of a bone amulet or clasp (?) in the shape of an elk’s head; 6 – bronze plaque in the shape of an elk’s head

ных зданий (МК I, II, III, IV), объединенных уличной сетью, функциональным и композиционным центром которого служил толос, подвергся разрушению около 480 г. до н.э. Этим разрушением, сопровождавшимся локальным пожаром с найденными в нем многочисленными наконечниками скифских стрел, условно именуемым как *Фаза 3*, прерывается *Четвертый строительный период* (рис. 4, 2). Вскоре после этого, по-видимому, через очень короткий промежуток времени, то есть в *Пятый строительный период*, три здания (МК II, III, IV), располагавшиеся на северном склоне Западного плато, были перестроены и с помощью куртин включены в единую трассу линии обороны, которая, надо полагать, должна была опоясывать весь периметр Западного плато (рис. 1). Показательно, что ни толос, ни МК I восстановлены не были (рис. 11).

Рис. 11. Пантикапей-2022. Раскоп НВМ, западный участок. Общий вид с северо-запада на МК Д-11: 1 и 2 – места находок изделий в скифском зверином стиле. Съёмка с квадрокоптера К. и В. Ходаковских

Fig. 11. Panticapaeum-2022. NUM excavation site, western section. General view from NW of MK D-11: 1 and 2 – places of finds of “Scythian animal style” items. Shooting from a quadcopter by K. and V. Khodakovsky

Пятый строительный период характеризуется стагнацией архитектурно-планировочной среды в данном центральном районе городской территории. Признаки этого упадка фиксируются в отсутствии возведения каких-либо значительных наземных построек и возвратом населения Пантикапея к сооружению примитивных, заглубленных в грунт структур и хозяйственных ям; заметны также признаки использования сохранившихся руинированных зданий для создания каких-то временных навесов, связанных с выплавкой металлов.

В настоящее время, благодаря информации, полученной в ходе многолетних археологических исследований на Верхнем плато вершины Первого кресла, мы впервые имеем возможность сопоставить данные относительно состояния одного из участков архитектурно-планировочной среды этой, важнейшей территории Пантикапея, его исторического ядра, со спецификой и судьбой застройки на Западном плато в *Четвертый строительный период*.

В начале 2017 г. нами были подведены итоги археологического изучения и специфики формирования архитектурно-планировочной среды на Западном плато, включенном в систему городской застройки около 515 г. до н.э., то есть на рубеже *Третьего* и *Четвертого строительных периодов*⁴². На тот момент пред

⁴² Толстиков 2017, 30–40.

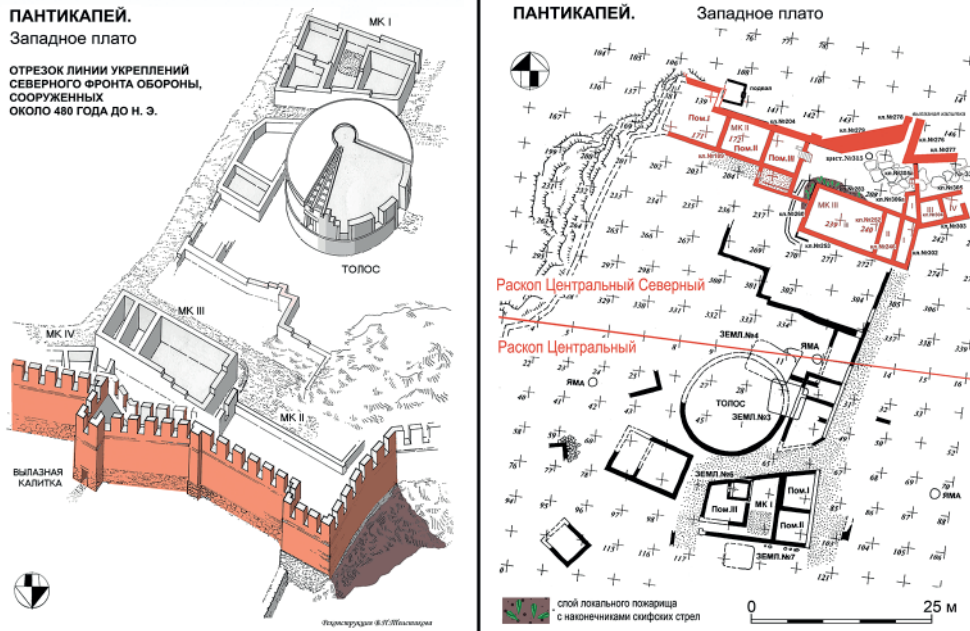

Рис. 12. Пантикапей. Западное плато. План-схема и реконструкция-аксонометрия строительных объектов и отрезка укреплений северного фронта обороны, сооруженных около 480 г. до н. э.

Fig. 12. Panticapaeum. Western plateau. Plan-scheme and reconstruction-axonometry of construction objects and a segment of the fortifications of the northern front of defense, built around 480 BC

полагалось, что эта территория, несмотря на имевшее место нападение номадов, обстрелы и вызванный ими локальный пожар, после временного отхода неприятеля, в *Пятый строительный период*⁴³, была спешно укреплена и контролировалась защитниками города. Тем не менее, основная часть населения, из-за сохранявшейся военной угрозы, вынуждена была вновь вернуться на территорию Верхнего плато под защиту укреплений акрополя, наличие которых рассматривалось автором этих строк, как само собой разумеющийся факт⁴⁴.

Как было показано выше, археологический контекст и данные стратиграфического анализа на северном и северо-западном крае Верхнего плато позволяют заключить, что после имевшего место около середины VI в. до н.э. пожара и разрушения оборонительной стены *Первого строительного периода*, представлявшей собой довольно внушительную конструкцию из каменного цоколя и сырцово-кир-

⁴³ В соответствии с новейшей периодизацией строительной истории Пантикапея, предложенной и постоянно уточняемой автором на основании новых археологических данных.

⁴⁴ Судьба еще одного участка городской застройки, располагавшегося на низких естественных террасах северного склона Западного плато (раскоп Новый Эспланадный) в этот период, пока остается невыясненной.

пичной кладки, она, по какой-то причине, не была восстановлена. Разрушенные отрезки её цокольной кладки, а также цоколи связанного с ней здания Д-3, перекрытые слоем пожарища, местами выбирались на камень, а над её бывшей трассой, перекрытой более поздними наслоениями, возводились новые постройки. Такое положение дел сохранялось на протяжении 50 лет. Создается впечатление что в течение этого весьма значительного промежутка времени (на протяжении жизни почти двух поколений!) территория Верхнего плато – акрополя Пантикапея оставалась лишенной оборонительных сооружений.

Лишь в *Фазе 3 Четвертого строительного периода*, то есть в 480-е гг. до н.э., предпринимается спешная попытка возродить на северном и северо-западном участках Верхнего плато в видоизмененной форме прежнюю линию фортификации, по-видимому, перед лицом новой военной угрозы⁴⁵. В ходе этой строительной акции был возведен многокамерный комплекс Д-11 (МК Д-11), включавший в свою структуру более раннюю постройку – Д-10, а также усиленный фланкирующей его фронт, прямоугольной в плане бастионообразной пристройкой. По-видимому, и в данном случае мы имеем дело с примером приспособления для целей обороны элементов городской застройки, располагавшихся на выгодных рубежах (рис. 3).

Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении данные раскопок, не позволяют сделать вывод о том, что предпринятые защитниками Пантикапея оборонительные меры оказались эффективны против царских скифов. Судя по всему, осадные мероприятия варваров, как и на Западном плато, достигли цели, и скифы сумели проникнуть на обороняемую территорию акрополя и в пределы теменоса на Верхнем плато. В результате расположенные здесь алтари и другие сакральные постройки, в том числе и храм Аполлона, возведение которого могло быть прервано на завершающем этапе, были повреждены. Находившиеся в святилищах многочисленные вотивы с посвящениями богам-покровителям, концентрировавшиеся здесь с третьей четверти VI в. по 480-е гг. до н.э., разбиты. Позднее обломки с фрагментами граффити, мелкие осколки вотивных пинак и терракот, фрагменты панафинейских амфор попали в сбросы мусорных напластований, перекрывших руины зданий и участок северо-западного склона Верхнего плато.

Показательно также, к примеру, что лишь в конце второй четверти V в. до н.э., то есть в *Пятом строительный период*, спустя не менее 30 лет (!), над погребенными под слоями мусорных сбросов руинами здания МК Д-11 сооружается некая прямоугольная в плане постройка – Д-13, цоколи которой, сложенные из мелкого рваного камня без соблюдения рядности, кое-где опираются на сохранившиеся кладки этого разрушенного комплекса. Качество строительства Д-13 может служить наглядным примером упадка, стагнации архитектурной среды на акрополе Пантикапея в этот период.

Как было отмечено выше, аналогичная картина была зафиксирована ранее на Западном плато, где со второй четверти V в. до н.э. на смену разрушенному общественному центру с толосом приходят заглубленные в культурный слой и материк, прямоугольные в плане примитивные структуры и хозяйственные ямы⁴⁶.

⁴⁵ Нельзя исключить, что Фаза 3 Четвертого строительного периода на Верхнем плато может, частично, совпадать с началом Пятого строительного периода на Западном плато.

⁴⁶ Толстиков 2017, 40-41, табл. 53-54.

Рис. 13. Пантикапей-2010. Раскоп НВМ. Кв. 29. Магическое захоронение расчленённой туши коня с украшениями нагрудного ремня в скифском зверином стиле. Общий вид сфагиона и элементы конской сбруи с прорисовкой бляхи в виде свернувшейся фигуры волка

Fig. 13. Panticapaeum-2010. Excavation site NUM. Trench 29. Magical burial of a dismembered carcass of a horse with "Scythian animal style" chest strap decorations. General view of the *sphagion* and elements of the harness with a plaque in the form of a curled-up figure of a wolf

На фоне той картины, которую позволяют сегодня воссоздать данные раскопок, присутствие в слоях, датируемых первой половиной V в. до н.э. на Верхнем плато, на акрополе Пантикапея, предметов, декорированных скифским звериным стилем, на мой взгляд, может служить еще одним аргументом в пользу того, что, осторожно формулируя предположение, на какой-то период времени некий контингент скифов получил доступ на территорию акрополя и теменоса Пантикапея.

Полагаю, что существует еще один, весьма существенный аспект, заслуживающий рассмотрения в рамках данного исследования. Речь идет о таком важном и чутком индикаторе как монетная чеканка. Резонен вопрос: нашел ли отражение данный критический для Пантикапейского полиса момент в его монетном деле?

Возникновение монетной чеканки Пантикапея приходится на начало V в. до н.э.⁴⁷ По мнению С.А. Коваленко, «чеканка первых пяти выпусков пантикапейского серебра (типы I–V по классификации Н.А. Фроловой) приходится на первую четверть V в. до н.э. Для рассматриваемого периода характерно также преобладание во всех выпусках грубых примитивных изображений львиной головы, которые, очевидно, представляли собой продукцию местных резчиков. Выпуск шестого типа, с восьмилучевой звездой на реверсе, демонстрирует разрыв с предшествующей архаической традицией передачи львиной головы – все изображения л. с. исполнены на достаточно высоком художественном уровне. Кроме того, эти монеты являются двусторонними монетами в настоящем смысле этого слова между чеканкой пятого и шестого выпусков пантикапейского серебра мог пройти определенный хронологический промежуток, т. е. после изготовления пятого выпуска чеканка была временно приостановлена.»⁴⁸ Эта пауза и изменения в монетной чеканке Пантикапея не случайны. Они, несомненно, были обусловлены итогами военного конфликта и возникшими в связи с ним проблемами экономического и политического характера в Пантикапейском полисе, которые, содействовали приходу к власти Археанактидов⁴⁹ или некоей авторитарной группы лиц, на долю которых выпало повторное основание полиса⁵⁰. В этом случае 42 года их правления должны были проходить под контролем царских скифов.

В то же время, возобновление после паузы чеканки обновленных серий серебра более высоко художественного уровня с эмблемой в виде восьмилучевой звезды на аверсе может служить показателем того, что урон, нанесенный царскими скифами Пантикапею, не имел для него катастрофических последствий. Скорее всего, как и в случае с Истрией, Никонием, Ольвией⁵¹, Нимфеем, Керкинитидой⁵², дело ограничилось установлением так называемого «протектората» властителей степи над полисом, как важным и весьма выгодным для их господствующей элиты центром заморской торговли, источником поступления ценных даров, а также различных категорий товаров, вина, изделий торевтики, оружия, предметов роскоши и т.д.

⁴⁷ Коваленко, Толстиков 2010, 44.

⁴⁸ Коваленко, Толстиков 2010, 46.

⁴⁹ Шелов-Коведяев 1985, 70–82.

⁵⁰ Шелов-Коведяев, Толстиков 2014, 452–504.

⁵¹ Андрук 1955, 60–62.

⁵² Зубарь 2003, 48.

В контексте приведенных выше данных новейших археологических исследований в центральном районе Пантикапея и на его акрополе, а также сделанных на их основании выводов и предположений еще более информативной и значимой представляется уникальная находка, полученная в ходе раскопок 2010 г. на НВМ в юго-западном углу квадрата 29.

Напомню, что речь идет о захоронении расчлененной по продольной оси и обезглавленной туши коня с сохранившимися в первоначальном положении элементами декора нагрудного ремня, выполненными в скифском зверином стиле⁵³ (рис. 13). Археологический контекст этой находки – *сфагиона*, а также стилистические особенности декора трёх ажурных блях в виде фигуры свернувшегося волка позволяют отнести следы ритуала к концу первой четверти V в. до н.э.⁵⁴. Особо следует отметить, что стратиграфическое наблюдение подтверждает эту дату. Фрагмент остова коня был захоронен в слое, который образовался после 480 г. до н.э. в результате военных разрушений *Фазы 3*, прерывающей *Четвертый строительный период*. Эта жертва, а именно – расчленённый верховой конь степной породы, со специально оставленной на нём нагрудной частью сбруи – свидетельство особого ритуала симпатической магии. По-видимому, эта экстраординарная, возможно тайная акция, осуществлённая какой-то группой пантикапейцев близ северной границы теменоса⁵⁵, была призвана ослабить мобильность и боеспособность захватчиков-скифов, которые, как теперь можно с высокой долей вероятности предполагать, получили доступ на территорию акрополя Пантикапея.

Приведенная в данной работе сумма фактов содержит отзвуки тех сложных, драматических эпизодов военно-политической истории, о которых до сих пор не обнаружено письменной информации (молчат античные авторы), но которые определяли характер отношений полиса и Скифского царства от начала V в. до н.э. и на протяжении всего столетия. По-видимому, именно в этот напряженный исторический период, который в целом оказался судьбоносным и для всего Эллинского мира, формировались основы особой, специфической формы государственности Пантикапейского полиса, а позднее и всего Боспора Киммерийского – греко-варварской державы Спартокидов.

Судя по всему, от принятия гипотезы о симмахии-амфиктионии объединенных полисов Боспора под эгидой могучего Пантикапея с храмом Аполлона⁵⁶ на акрополе пока следует воздержаться.

В заключении повторю сказанное выше: несмотря на определенный прогресс в деле изучения ранней истории Пантикапея итоги данного исследования носят предварительный характер. Потребуется еще много усилий, годы сложных, трудоёмких раскопок, для уточнения представленных здесь предположений и выводов.

⁵³ Толстиков, Муратова 2013, 176–193.

⁵⁴ Канторович и др. 2019, 12–13.

⁵⁵ Отмечу, что пункт сокрытия жертвы-сфагиона располагался, примерно, в 12 м к востоку от того места, где позднее, в 2017 г., на кв. 34, над плитами (остатками алтаря?), перекрывавшими прослойку углей, был обнаружен комплект блях от конской упряжи в скифском зверином стиле, а также два мундштука с псалиями и отдельный псалий.

⁵⁶ Виноградов 2006, 38–39.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрух, С.И. 1999: *Нижнедунайская Скифия в VI– начале I в. до н.э. (Этно-политический аспект)*. Запорожье.
- Вахтина, М.Ю., Виноградов, Ю.А. 2001: Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского. В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства*. Ч. 1. СПб., 41–45.
- Виноградов, Ю.А. 2002: Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском. В сб.: Э.Д. Фролов (ред.), *Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире*. СПб., 183–196.
- Виноградов, Ю.А. 2006: Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху. В сб.: С.Л. Соловьев (ред.), *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII– I вв. до н.э. Материалы международной научной конференции. Тамань (Россия). Октябрь 2000*. СПб., 36–43.
- Виноградов, Ю.Г. 1983: Полис в Северном Причерноморье. В кн.: Е.С. Голубцова (отв. ред.), *Античная Греция*. Т. 1. М., 394–420.
- Журавлев, Д.В., Батасова, А.В., Шлоцауер, У. 2019: Оборонительный ров поселения Голубицкая 2. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследования* (Боспорские чтения XX). Симферополь–Керчь, 183–192.
- Завойкин, А.А., Сударев, Н.И. 2006а: Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I. *ДБ* 9, 101–151.
- Завойкин, А.А., Сударев, Н.И. 2006б: Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. II. *ДБ* 10, 263–303.
- Зубарь, В.М. 2003: Некоторые аспекты истории Северо-Западной Таврики в конце VI – на рубеже IV–III вв. до н.э. *ПИФК* XIII, 45–70.
- Канторович, А.Р., Толстиков, В.П., Шкурова, М.В. 2019: Изделия из Пантикапея, оформленные в скифском зверином стиле. (К вопросу о греко-скифских взаимодействиях). *КСИА* 255, 7–31.
- Коваленко, С.А., Толстиков, В.П. 2010: II. О начале монетной чеканки на Боспоре. *ВДИ* 4, 23–50.
- Колотухин, В.А. 2000: *Киммерийцы и скифы Степного Крыма*. Симферополь.
- Кузнецов, В.Д. 2018: Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики). В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 4* (Фанагория 7). М., 117–135.
- Марченко, И.Д. 1984: Раскопки Пантикапея в 1965–1972 годах. *СГМИИ* 7, 3–27.
- Мелюкова, А.И. 1964: *Вооружение скифов* (САИ Д1–4). М.
- Толстиков, В.П. 1984: К проблеме образования Боспорского государства. (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.). *ВДИ* 3, 24–48.
- Толстиков, В.П. 2015: Новые материалы к изучению древнейшей истории Пантикапея: о времени основания апойкии и к локализации раннего теменоса. *ПИФК* 1, 261–281.
- Толстиков, В.П. 2017: Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея в конце 7 – середине 5 в. до н.э. В сб.: В.П. Толстиков (ред.), *Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу*. М., 10–42.
- Толстиков, В.П., Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А. 2003: Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI – V веков до н.э. *ДБ* 6, 307–350.
- Толстиков, В.П., Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А. 2004. Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея. *ДБ* 7, 344–365.

Археологические свидетельства катастрофы 480–475 гг. до н.э. в Пантикапее33

- Толстикова, В.П., Муратова, М.Б. 2013: К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI – первой половине V в. до н.э. *ВДИ* 1, 176–193.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 1985: История Боспора в VI–IV вв. до н.э. В сб.: А.П. Новосельцев (ред.), *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1984. М., 5–187.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 2019а: «... Владыке Пантикапея». *ДБ* 24, 613–617.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 2019б: Аполлон ИТРОС и Артемида Пифийская. О двух культах милетских апойкии Причерноморья. *МАСП* 14, 216–225.
- Шелов-Коведяев, Ф.В., Толстикова, В.П. 2014: Боспор в первой четверти V в. до Р.Х. К истории Пантикапея начала эпохи классики. *ДБ* 18, 452–504.
- Agafonov, A., Samar, O. 2021: Concerning Athenian black-figure vases from Panticapaeum. In: G.R. Tsetskhladze, A. Avram, J. Hargrave (eds.), *The Greeks and Romans in the Black Sea and the Importance of the Pontic Region for the Graeco-Roman World (7th century BC–5th century AD): 20 Years On (1997–2017). Proceedings of the Sixth International Congress on Black Sea Antiquities (Constanța – 18–22 September 2017)*. Oxford, 520–522.
- Dirschedl, U. 2013: *Die griechischen Säulenbasen* (Archäologische Forschungen 28). Wiesbaden.
- Vinogradov, Ju.G. 1980: Die historische Entwicklung der Polis der nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v.Chr. *Chiron* 10, 63–100.

REFERENCES

- Agafonov, A., Samar, O. 2021: Concerning Athenian black-figure vases from Panticapaeum. In: G.R. Tsetskhladze, A. Avram, J. Hargrave (eds.), *The Greeks and Romans in the Black Sea and the Importance of the Pontic Region for the Graeco-Roman World (7th century BC–5th century AD): 20 Years On (1997–2017). Proceedings of the Sixth International Congress on Black Sea Antiquities (Constanța – 18–22 September 2017)*. Oxford, 520–522.
- Andrukh, S.I. 1999: *Nizhnedunajskaya Skifiya v VI – nachale I v. do n.e. (Etno-politicheskiy aspekt)*. [The Lower Danube Scythia in the 6th – Beginning of the 1st Century BC (Ethnopolitical Aspect)]. Zaporozhe.
- Dirschedl, U. 2013: *Die griechischen Säulenbasen* (Archäologische Forschungen 28). Wiesbaden. From the History of Panticapaeum in the Early Classical Period]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 18, 452–504.
- Kantorovich, A.R., Tolstikov, V.P., Shkurova, M.V. 2019: Izdeliya iz Pantikapeya, ofornennyye v skifskom zverinom stile (K voprosu o greko-skifskikh vzaimodejstviyakh) [Artifacts from Panticapaeum decorated in the Scythian animal style (on the problem of the Greek-Scythian interactions)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 255, 7–31.
- Kolotukhin, V.A. 2000: *Kimmeriytsy i skify Stepnogo Kryma [The Cimmerians and Scythians of Steppe Crimea]*. Simferopol.
- Kovalenko, S.A., Tolstikov V.P. 2010: II. O nachale monetnoy chekanki na Bospore [On the Beginning of Coinage on the Bosporus]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 23–50.
- Kuznetsov, V.D. 2018: Domostroitelstvo Severnogo Ponta (epokha arkhaiskaya) [Dwelling building in the Northern Pontic region (the Archaic period)]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on the Archaeology and History of Phanagoria]* 4 (Fanagoriya [Phanagoria] 7). Moscow, 117–135.
- Marchenko, I.D. 1984: Raskopki Pantikapeya v 1965–1972 godakh. [Excavations at Panticapaeum in 1965–1972]. In: *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitelnykh iskusstv im. A.S. Pushkina [Transactions of the Pushkin State Museum of Fine Arts]* 7. Moscow, 3–27.

- Melyukova, A.I. 1964: *Vooruzhenie skifov* [*Armament of the Scythians*] (Svod arkhelogicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–4). Moscow.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 1985: Istoriya Bospora v VI–IV vv. do n.e. [The history of Bosporus in the 6th – 4th centuries BC]. In: A.P. Novoseltsev (ed.), *Drevneyschie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i Issledovaniya. 1984* [*The Most Ancient States on the Territory of USSR. Materials and Studies. 1984*]. Moscow, 5–187.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 2019a: “... Vladyke Pantikapeya” [To the Lord of Panticapaeum]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 24, 613–617.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 2019b: Apollon ИHTΠOΣ i Artemida Πιφιjskaya. O dvukh kul'takh miletskikh apoykiy Prichernomor'ya [Apollo ΙΝΤΠOΣ and Artemis Pythia. Two cults of Milesian apoikiai in the Black Sea]. *Materialy po arkhologii Severnogo Prichernomor'ya* [*Materials on the Archaeology of the Northern Black Sea Region*] 14, 216–225.
- Shelov-Kovedyaev, F.V., Tolstikov, V.P. 2014: Bospor v pervoy chetverti V v. do R. KH. K istorii Pantikapeya nachala epokhi klassiki [Bosporus in the first quarter of the 5th century BC. On the history of Panticapaeum at the beginning of the Classical Period]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 18, 452–504.
- Tolstikov, V.P. 1984: K probleme obrazovaniya Bosporskogo gosudarstva (Opyt rekonstruktsii voenno-politicheskoy situatsii na Bospore v kontse VI – pervoy polovine V v. do n.e.) [On the problem of the Bosporan State's formation (Experience of reconstruction of the military-political situation on the Bosporus at the end of the VI – first half V centuries B.C.)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 24–48.
- Tolstikov, V.P. 2015: Novye materialy k izucheniyu drevneyshey istorii Pantikapeya: o vremeni osnovaniya apoykii i k lokalizatsii rannego temenosa [New materials for the study of the ancient history of Panticapaeum: regarding the time of the foundation of apoikia and the localization of the early temenos]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 1 (47), 261–281.
- Tolstikov, V.P. 2017: Ocherk gradostroitel'noy istorii tsentral'nogo rayona Pantikapeya v kontse 7 – seredine 5 v. do n.e. [Essay on the urban history of the central area of Panticapaeum in late 7th – mid-5th century BC]. In: V.P. Tolstikov (ed.), *Drevneyshiy Pantikapey. Ot apoikii k gorodu* [*Ancient Panticapaeum. From Apoikia to a City*]. Moscow, 10–42.
- Tolstikov, V.P., Muratova M.B. 2013: K probleme prostranstvennogo razvitiya pantikapeyskoy apoykii v pervoi polovine VI – pervoy polovine V v. do n. e. [Regarding the spatial development of the apoikia of Panticapaeum in the first half of the 6th – first half of the 5th century BC]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 176–193.
- Tolstikov, V.P., Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2003: Mnogokamernye stroitel'nye kompleksy v sisteme zastroyki akropolya Pantikapeya VI–V vekov do n. e. [Multichamber building complexes in the system of building akropolis of Panticapaeum in the VI – V centuries B.C.]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 6, 307–350.
- Tolstikov, V.P., Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2004. Novye materialy k khronologii i istorii rannego Pantikapeya [New data on chronology and history of the early Panticapaeum]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 7, 344–365.
- Vakhtina, M.Yu., Vinogradov, Yu.A. 2001: Eshche raz o ranney fortifikatsii Bospora Kimmeriyskogo [Once again about the early fortification of the Cimmerian Bosporus]. *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*Bosporan phenomenon: Colonization of the Region. Formation of Poleis. Formation of the State*]. Pt. 1. Saint Petersburg, 41–45.
- Vinogradov, Ju.G. 1980: Die historische Entwicklung der Polis der nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v.Chr. *Chiron* 10, 63–100.
- Vinogradov, Yu.A. 2002: Osobennosti i istoricheskoe znachenie ob'edineniya Arkheanaktidov na Bospore Kimmeriyskom [Features and historical significance of the association of Archaeanactids on the Cimmerian Bosporus]. In: *Antichnoe gosudarstvo: politicheskie ot-*

nosheniya i gosudarstvennyye formy v antichnom mire [Ancient State. Political Relations and State Forms in the Ancient World]. Saint Petersburg, 183–196.

- Vinogradov, Yu.A. 2006: Bospor Kimmeriyskiy: osnovnye etapy istorii v dorimskuyu epokhu. [Cimmerian Bosphorus: the main stages of history in the pre-Roman period]. In: S.L. Solovyev (ed.), *Greki i varvary na Bospore Kimmeriyskom VII–I vv. do n. e. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Taman' (Rossiya). Oktyabr' 2000* [Greeks and Barbarians in the Cimmerian Bosphorus in the 7th – 1st centuries BC. Materials of the International Scientific Conference. Taman (Russia). October 2000]. Saint Petersburg, 36–43.
- Vinogradov, Yu.G. 1983: Polis v Severnom Prichernomor'e [Polis in the Northern Black Sea region]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnaya Gretsia* [Ancient Greece]. Vol. 1. Moscow, 394–420.
- Zavoykin, A.A., Sudarev, N.I. 2006a: Pogrebeniya s oruzhiem VI–V vv. do n.e. kak istochnik po politicheskoy i voennoy istorii Bospora. Ch. I [Burials with weapons of the 6th – 5th centuries BC as a source on the political and military history of the Bosphorus. Pt. I]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 9, 101–151.
- Zavoykin, A.A., Sudarev N.I. 2006b: Pogrebeniya s oruzhiem VI–V vv. do n.e. kak istochnik po politicheskoy i voennoy istorii Bospora. Ch. II [Burials with weapons of the 6th – 5th centuries BC as a source on the political and military history of the Bosphorus. Pt. II]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 10, 263–303.
- Zhuravlev, D.V., Batasova, A.V., Shlotsauer, U. 2019: Oboronitel'nyy rov poseleniya Golubitskaya 2 [Defensive moat of the settlement Golubitskaya 2]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniya* [The Cimmerian Bosphorus and Barbarian world in Antiquity and the Middle Ages. Main Results and Prospects of Research] (XX Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Simferopol–Kerch, 183–192.
- Zubar, V.M. 2003: Nekotorye aspekty istorii Severo-Zapadnoy Tavriki v kontse VI – na rubezhe IV–III vv. do n. e. [Some aspects of North-Western Taurica's history at the end of the 6th – 3rd century BC]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XIII, 45–70.

ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE OF THE DISASTER OF 480–475 BC IN PANTICAPAEUM. SAYING GOODBYE TO ONE CONCEPT?

Vladimir P. Tolstikov

Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia

E-mail: vltolstikov@yandex.ru

The author compares the results of the analysis of the latest materials with those obtained earlier in the course of many years of work by the Bosporan (Panticapaeon) Archaeological Mission of the Pushkin Museum at the New Upper Mithridates (NUM) excavation site located on the acropolis of Panticapaeum, as well as at the Central (N) and Central-Northern (SN) sites on the territory of the Western Plateau. An analysis of the state of construction objects on the northwestern outskirts of the NUM, as well as the features of their reconstructions, indicates that their main goal was to revive the line of fortifications along a significant segment of the route of the early defensive wall, which was destroyed approximately in the middle of the 6th century BC and did not restore. The monumental multi-chamber complex MK D-11, erected on a rocky foundation, served as a fortification. The revealed collapses of its outer wall, traces of a fire in

---

the room, numerous arrowheads of the Scythian type in the collapses of the adobe masonry of the wall indicate that the hastily fortified acropolis of Panticapaeum, which previously had no walls (!), was attacked by the Royal Scythians between 480 and 475 BC. Previously, it was assumed that after the destruction of the community center on the Western Plateau by the nomads, it was fortified and turned into a defensive foothold. The main part of the inhabitants took refuge on the Upper Plateau, where the urban *temenos* with the temple of Apollo was located. Today, there is reason to believe that the finds of “Scythian animal style” items in the layers of the first half of the 5th century BC on the acropolis of Panticapaeum indicate that the Scythians gained access to the territory of Panticapaeum acropolis and the *temenos*. The hypothesis of *symmarchy* led by Panticapaeum is hardly relevant.

Keywords: Panticapaeum, acropolis, Upper Plateau, Western Plateau, multi-chamber complex, fortifications, *temenos*, Bosporan *symmarchy*, the Royal Scythians, “Scythian animal style” items, *sphagion*
